

ФИЛОСОФИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ НАУКИ

УДК 930.1 + 141.113 + 929 Личман

В. Д. Камынин

ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ПРОБЛЕМ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

В статье рассматривается рефлексия исторического сообщества России на пути развития научного знания в условиях постмодерна, характеризующегося плюрализмом мнений. Автор выделяет основные парадигмы, в рамках которых рассматривается возможность сосуществования многочисленных объясняющих исторический процесс теорий: объективистской, синтезирующей и многоконцептуальной (толерантной). Доказываются преимущества парадигмы многоконцептуальности, разработанной в начале 1990-х гг. доктором исторических наук, профессором Уральского политехнического института — Уральского государственного технического университета им. С. М. Кирова (УГТУ — УПИ) Б. В. Личманом.

К л ю ч е в ы е с л о в а: историческая наука, научный плюрализм, многоконцептуальность, Б. В. Личман.

Современная наука в настоящее время развивается в условиях научного плюрализма. Каждый ученый волен выбрать соответствующую его представлениям методологическую основу, с позиций которой он проводит свое исследование. Это его неотъемлемое право как ученого. Выбранная методологическая система оказывает серьезное влияние на подбор научных принципов и методов исследования.

Такое положение в науке сложилось не сразу. Только в годы перестройки проявился интерес советских ученых к обсуждению методологических проблем общественных и гуманитарных наук. До этого времени обращение широких кругов научной общественности к рассмотрению методологических проблем науки не практиковалось, а их интерпретация была исключительной прерогативой небольшого количества столичных авторов. В исторической науке в годы перестройки началось критическое переосмысление фундаментальных теоретических основ марксистского понимания истории: закономерностей развития исторического

процесса, особенностей исторического прогресса, недостатков формационного подхода к истории и др.

В среде историков к концу перестройки произошла дифференциация и наметились основные направления в интерпретации исторических фактов, четко проявившиеся уже в 1990-е гг. Оставались ученые, не желавшие «поступаться принципами» и отстаивавшие традиционные постулаты марксистско-ленинской методологии; появились авторы, считавшие, что марксизм должен быть очищен от наслоений сталинизма и дополнен новейшими достижениями западной методологии; были исследователи, целиком перешедшие на либеральные позиции и полностью отрицающие марксизм как методологию исторического исследования. Последнее направление выступало с критикой формационного и однолинейно-прогрессивного подхода к истории. Представители общественных наук активно обсуждали вопрос о «кризисе» исторической науки и разрабатывали пути его преодоления.

В этих условиях в начале 1990-х гг. прозвучал призыв к свершению «методологической революции». В современной России она прошла два этапа. В первой половине 1990-х гг. смысл «методологической революции» виделся в замене одной универсальной теории, в качестве которой выступал в советское время марксизм, на другую, не менее универсальную теорию. В качестве таковой был провозглашен цивилизационный подход к истории, дополненный концепцией тоталитаризма в освещении советского периода в истории нашей страны.

Второй этап «методологической революции» пришелся на вторую половину 1990-х — начало 2000-х гг., когда начался активный поиск принципиально новых объясняющих теоретико-методологических моделей. В результате в научном знании возобладал подлинный плюрализм мнений. По наблюдениям А. Т. Тертышного и А. В. Трофимова, «в настоящее время существует целый “букет” (до двадцати) разнообразных теорий, концепций, так или иначе интерпретирующих исторический путь, пройденный Россией» [22, 15]. Это не придает оптимизма исследователям, поскольку приводит к распространению мнения о релятивизме научного знания.

Активный поиск выхода из сложившегося положения привел к тому, что появилось несколько парадигм, принципиально отличающихся друг от друга мнениями относительно возможности сосуществования в науке многочисленных объясняющих исторический процесс теорий. Эти парадигмы можно условно обозначить как объективистская, синтезирующая и многоконцептуальная (толерантная).

Следует обратить внимание на то, что наиболее активно в выработке этих парадигм проявили себя сторонники неомарксистского направления в науке, предлагая различные варианты сохранения прежних (или слегка модернизированных) философских воззрений.

Весьма распространенным оказался переход части исследователей на позиции объективизма. Сторонники такого подхода заявляют, что ученому-исследователю вообще не нужна никакая методология. «Бегство» от методологии проявляется в том, что авторы намеренно уходят от рассмотрения сложных теоретических

понятий и категорий, таких как «формация», «цивилизация», «исторический закон», «исторический прогресс» и т. д. По поводу претензий на отказ от какой-либо методологии вообще О. М. Медушевская и М. Ф. Румянцева справедливо заметили, что научного исследования без методологии не бывает, ибо оно всегда осуществляется в рамках определенной научной парадигмы. Авторы писали, что «речь может идти лишь о различной степени осознанности (отрефлексованности) как процесса научного познания в целом, так и конкретного исследования каждым исследователем. Методология определенным образом проявляется на всех этапах исследования — от постановки проблемы до верификации результатов исследования» [12, 3].

Другая часть исследователей предложила отказаться от использования крайних теоретико-методологических подходов в изучении отечественной истории и создать синтез из всего лучшего, что было накоплено мировой наукой. Академик И. Д. Ковальченко писал: «Нужен синтез идей и методов, а не механическое отбрасывание одних из них (что сейчас наиболее активно проявляется по отношению к марксизму) и замена их другими (чаще всего субъективно-идеалистическими)» [8, 3].

Весьма модным занятием среди российских исследователей в 1990-е гг. был поиск в западной философской мысли идей, близких по смыслу к марксистской парадигме. Востребованными оказались идеологиемы французской «новой исторической науки» или школы «Анналов» [5]. Своеобразную трактовку в российской науке получила теория модернизации. По нашему мнению, серьезное влияние на трактовку теории модернизации в качестве объясняющей теории российской истории оказала научная школа по изучению особенностей российской модернизации, которая сложилась в Институте истории и археологии УрО РАН во главе с академиком РАН В. В. Алексеевым.

В. В. Алексеев признает, что его понимание модернизационного подхода к истории отличается от классического варианта теории модернизации, сложившейся на Западе. В российских реалиях 1990-х гг. модернизационный подход рассматривался как компромисс между формационным и цивилизационным подходами к истории. В своих воспоминаниях академик пишет: «Ученые осознавали отмирание формационного подхода, но не решались перейти к цивилизационному. Компромисс был достигнут на пути перехода к теории модернизации. Постепенно с моей точкой зрения согласились большинство сотрудников (Института истории и археологии. — В. К.), и эта теория стала основой их исследования» [3, 118].

На своеобразии российского варианта понимания теории модернизации автор данной статьи указывал давно, подчеркивая, что модернизационный подход к истории в российской науке «применяют те исследователи, которые стремятся избежать крайностей неомарксистской и либеральной историографии» [15, 414].

Еще один вариант преодоления намечающегося раскола в среде российских обществоведов в условиях все разрастающейся «методологической революции» был предложен доктором исторических наук, профессором Уральского политехнического института — Уральского государственного технического университета им. С. М. Кирова (УГТУ — УПИ) Б. В. Личманом. Уже в начале 1990-х гг. этот

ученый впервые в стране выступил с предложением реформировать историческое образование в школах и вузах России на базе «многотеоретического изучения истории». В условиях быстроразвивающейся в России «методологической революции», сметавшей универсальные методологические системы и заменявшей их на не менее универсальные, претендовавшие на звание «единственно правильных», коллектив единомышленников, возглавлявшийся Б. В. Личманом, предложил вариант отказа от единой методологии и выступил за преподавание отечественной истории в вузах методом уважительного отношения ко всем интерпретациям исторических фактов [10, 2]. По словам Б. В. Личмана, «учебники с одной логикой основываются преимущественно на запоминании и повторении знаний в изложении одной теории. В многотеоретическом изучении истории основой является самостоятельное познание на основе осмысления исторических фактов, изложенных в русле нескольких теорий» [4, 5].

Руководитель коллектива суть предложенной им методики изложил в интервью, данном корреспонденту одной из областных газет. Он заявил, что в основе его учебника «лежит не факт, а концепция, исходящая из мировоззрения. Зачастую они (концепции. — В. К.) прямо противоположны друг другу. Одна считает, что прогресс — это счастье человека, другая — гармоничное общество, третья берет за основу развитие техники. Есть теории, которые видят идеал в приближении человека к Богу, а есть такие, что исходят из гармонии человека и природы, приоритета семейных ценностей» [9].

Преподаватели откликнулись на появление новых учебников, написанных с позиций многоконцептуальности, по-разному. Отклики на учебники под редакцией Б. В. Личмана были различные — от восторженных до негативных [7, 43–48]. Тем не менее результатом плодотворной, продолжающейся уже четверть века деятельности ученого по созданию все новых поколений его учебника можно считать то, что Б. В. Личману удалось приучить вузовских преподавателей и школьных учителей считаться с возможностью именно такого метода изложения исторического материала.

Приоритет Б. В. Личмана в разработке и распространении новой методики преподавания отечественной истории признан многими историками. В новейшем историографическом труде, изданном в 2015 г. в издательстве «Юрайт», указывается, что учебники, созданные в Екатеринбурге коллективом авторов под редакцией Б. В. Личмана, «заложили основу многоконцептуального изучения истории, получившего широкое распространение во второй половине 1990-х гг. — начале XXI в.» [6, 461]. С нашей точки зрения, именно в процессе преподавания отечественной истории парадигма многоконцептуальности в том виде, в каком ее предложил Б. В. Личман, оказалась наиболее востребованной и эффективной.

Гораздо менее освещен в литературе вопрос о влиянии парадигмы многоконцептуальности на научное сообщество. А. Т. Тертышный и А. В. Трофимов считают возможным использование ее в научном творчестве и полагают, что «многоконцептуальное, политеоретическое измерение истории России является сегодня не данью политической моде или очередной идеологической конъюнктурой,

а средством для постижения такой сложной и не поддающейся одномерному определению реальности, каковой является история нашей страны» [22, 5]. Сам Б. В. Личман достаточно скептически относится к возможности использования парадигмы многоконцептуальности в научных исследованиях. По его словам, «исторический процесс очень богат фактами. Каждая теория в соответствии со своими потребностями проводит отбор нужных ей фактов или интерпретирует один и тот же факт со своей точки зрения. Как правило, эти теории находятся в разных идеологических плоскостях, и совместить их невозможно. Дискуссия между ними ни к чему не приводит» [9].

Между тем в уральской историографии во второй половине 1990-х гг. — начале XXI в. использование парадигмы многоконцептуальности превратилось в модное увлечение. Можно выделить несколько вариантов ее внедрения в научные исследования. Объединяет сторонников данной парадигмы то, что все они апеллируют к творчеству Б. В. Личмана как наиболее авторитетного специалиста в ее разработке. В учебной литературе суть подхода, предложенного Б. В. Личманом, сформулирована следующим образом. Подчеркивается, что данный автор утверждает, что «в современной исторической науке имеют место следующие основные интерпретации (концепции) истории России XX в.: религиозная, всемирно-историческая, локально-историческая» [15, 414].

Отталкиваясь от этих мировоззренческих интерпретаций (концепций) исторических фактов, А. Т. Тертышный и А. В. Трофимов сформулировали четыре объяснительные модели: формационную (универсально-стадиальную), либеральную (западно-центристскую), модернизационную и цивилизационную (локально-историческую) [22, 16]. Такая трактовка объяснения исторического процесса в целом соответствует подходу Б. В. Личмана, который не отрицает идеологического и даже политического подтекста в этих моделях. Причину этого он видит в том, что «мировоззрение человека находится под воздействием многих факторов, которые даже учесть невозможно. Одни люди по своим взглядам и характеру, психофизическому типу изменчивы, другие нет» [9]. При этом исследователь призывает к тому, чтобы «изучение истории с разных концептуальных точек зрения было направлено на воспитание толерантности мировоззренческих взглядов на прошлое» [11, 19].

Первый вариант использования парадигмы многоконцептуальности в научных исследованиях предложен в обобщающих работах по отечественной истории, авторы которых А. Т. Тертышный и А. В. Трофимов попытались применить к объяснению исторического пути России, хода, смысла и направленности российской истории одновременно все четыре выделенные ими объяснительные модели [22, 23]. Методологические позиции данных уральских исследователей заключаются в признании ущербности как одномерного видения особенностей развития российской истории, так и постулирования тезиса о том, что «историй столько же, сколько историков». Выходом из этой коллизии они считают применение мультиконцептуального подхода, «но лишь при условии, что следует осуществить своего рода глубокое погружение внутрь каждой из рассматриваемых концепций, стать (хотя бы на время) их приверженцем и защитником» [23, 28].

Результатом применения мультиконцептуального подхода к изучению истории России данные авторы считают то, что он «позволяет раскрыть основные характеристики российской цивилизации, углубить, систематизировать познание российского социума, устойчивых особенностей его истории, механизмов преемственности и модернизации вне зависимости от общественного строя». По словам А. Т. Тертышного и А. В. Трофимова, «такой взгляд помогает понять российские стратегические (неидеологизированные) национальные интересы, условия оптимальной реализации колоссальных природных, людских, научно-технических возможностей, условия восстановления достойного места нашей страны в мировом сообществе» [22, 571].

Недостатками обобщающих трудов А. Т. Тертышного и А. В. Трофимова по истории России, с нашей точки зрения, следует считать то, что, во-первых, проделав колоссальную работу по историческому анализу (осуществив «своего рода глубокое погружение внутрь каждой из рассматриваемых концепций»), они не подняли свои исследования до уровня исторического синтеза, не попытались выявить «сухой остаток» российской истории, в оценке которого все четыре выделенные ими объяснительные модели сходятся.

Во-вторых, сделанный авторами вывод об итогах применения мультиконцептуального подхода к изучению истории России соответствует параметрам лишь одной из заявленных ими объяснительных моделей — цивилизационной (локально-исторической).

В-третьих, претензии авторов на получение каких-либо «неидеологизированных» выводов противоречат самой сущности исторического исследования, которое обречено отвечать на назревшие запросы общества. Неопровержимым постулатом существования исторической науки в любом обществе является то, что исторические знания являются важной составной частью духовной жизни, которая обусловлена развитием общества. Оно требует от историков создания исторических представлений, соответствующих социальным ожиданиям социума.

Подобный вариант использования парадигмы многоконцептуальности использовал в своих работах начала XXI столетия А. В. Сперанский. Анализ ситуации, сложившейся в российской исторической науке на рубеже XX–XXI вв. в области методологии, привел ученого к выводу, что «на современном этапе развития историческая наука России находится в состоянии мучительного сложного перехода к новому качеству. Его вектор направлен от тоталитарной методологии к подлинному научному плюрализму мнений» [18, 613]. В то же время он констатировал, что «новой универсальной теории, способной сгладить “шероховатости” марксизма и более аргументированно объяснить закономерности и тенденции в истории человечества, в последние 20 лет не сложилось» [19, 55].

А. В. Сперанский, отдав дань парадигме многоконцептуальности [20], вслед за Б. В. Личманом высказался за необходимость «равно уважительного отношения к различным концептуально-методологическим интерпретациям русской истории (при условии, что они зиждутся на солидных, подкрепленных широкой источниковой базой аргументах, а не на сиюминутных псевдоисторических инсинуациях, базирующихся на идейно-политической или коммерческой конъюнктуре» [19, 55].

Оговорка А. В. Сперанского относительно условий «равно уважительного отношения к различным концептуально-методологическим интерпретациям русской истории» очень характерна. Анализ научных трудов А. В. Сперанского показывает, что парадигма многоконцептуальности для него выступает неким фоном, на котором в современной науке разворачивается настоящая борьба объясняющих концепций. В отличие от А. Т. Тертышного и А. В. Трофимова данный ученый в своей научной деятельности из всех имеющихся в российской науке походов к истории отдает приоритет модернизационному подходу, который, по его мнению, все же наилучшим образом позволяет объяснить процессы, происходившие в советской истории.

Хотя А. В. Сперанский вслед за своим учителем В. В. Алексеевым утверждает, что выбор модернизационной версии эволюции человеческого общества в качестве методологической основы его исследований объясняется тем, что она «довольно удачно включает в себя лучшие наработки» двух предшествующих ей интерпретаций, претендовавших на универсальность в объяснении русской истории: формационной и цивилизационной» [21, 14], тем не менее в своей практической научной деятельности данный ученый применяет объясняющую теорию в ее классическом варианте.

Сравним оценки, данные В. В. Алексеевым и А. В. Сперанским советской модели модернизации.

По словам В. В. Алексеева, в советский период «страна шла по пути модернизации в русле мирового прогресса, и нет никаких оснований отлучать ее от этого, как делают некоторые политологи в сегодняшней России и за рубежом. Другое дело, что модернизация насаждалась сверху железной диктатурой, ее темпы форсировались в ущерб качеству процесса и здоровью нации. Она носила догоняющий и очевидный военно-политический характер, не решала многих задач классической модернизации, таких, как создание полноценного рынка товаров, капиталов и труда, не обеспечивала свободу личности, являющуюся главным залогом успехов и необратимости процессов модернизации» [2, 100].

А. В. Сперанский утверждает, что «социально-политический вектор советской мобилизационной модели модернизации не полностью совпадал с общемировым направлением». По словам ученого, основная причина несовпадения вектора развития советской модели модернизации с общемировым направлением состоит в том, что «русский социум, в силу ряда объективных и субъективных причин, оказался под сильнейшим влиянием тоталитарных структур управления, поэтому в условиях всеобъемлющей политизации и идеологизации жизни, тотального огосударствления собственности невозможно было полноценно решать задачи разделения функциональных ролей индивидов в производстве и политике, дифференциации властей, культурных систем и ценностных ориентаций» [21, 14]. Нетрудно убедиться, что именно трактовка модернизационного подхода к истории, предложенная А. В. Сперанским, гораздо ближе к классическому пониманию теории модернизации.

Второй вариант использования парадигмы многоконцептуальности предложен историографами. В. С. Пряеин еще в середине 1990-х гг. отметил заслугу

Б. В. Личмана в том, что он дал теоретически новое «изложение различных интерпретаций логики исторического развития», что облегчает ведение историографических исследований [14, 74]. Представители «уральской историографической научной школы» [1] с середины 1990-х гг. начали рассматривать многоконцептуальность как основной метод раскрытия особенностей развития современного этапа исторической науки в России. По их мнению, многоконцептуальность в современной российской исторической науке реально существует, но ее наличие проявляется далеко не однолинейно, как это было характерно для исторической науки периода модерна на протяжении XVIII–XX вв. Далеко не все авторы эпохи постмодерна позиционируют свои истинные методологические позиции. Особенно это относится к представителям крайних течений, которые действительно оппонируют друг другу в научных исследованиях. Современные неомарксистские и либеральные авторы предпочитают либо прикрывать свои взгляды «нейтральными», как им кажется, с точки зрения идеологии теориями, либо вообще не заявлять о своих теоретических позициях. Однако, как справедливо отмечал английский исследователь К. Поппер, «эти теории неявно содержатся в... терминологии» [13, 167]. Особенностью проявления парадигмы многоконцептуальности в современной российской историографии является также то, что она существует в условиях отсутствия толерантного отношения к чужому мнению. Это приводит к тому, что оппоненты не пытаются воспринимать аргументы другой стороны, а традиционно навешивают ярлыки, ничего общего с наукой не имеющие.

Для изучения востребованности парадигмы многоконцептуальности современной наукой в 2011 г. в Екатеринбурге была проведена научная конференция под названием «Многоконцептуальность в науке». Анализ прозвучавших выступлений показывает, что в современной науке существует различное понимание феномена многоконцептуальности и возможности ее использования. Представители точных и естественных наук воспринимают многоконцептуальность как естественное состояние научного знания. Математик А. И. Смирнов полагает, что «математика по своей сути является многоконцептуальной», ибо существуют различные подходы к ««философии» математики, и эти подходы, реализующие различное понимание математики, достаточно хорошо разработаны формально» [16, 84].

Совершенно иное отношение к многоконцептуальности высказывают представители гуманитарных наук.

В современной исторической науке в целом доминирует положительное отношение к многоконцептуальности. А. Т. Тертышный и А. В. Трофимов пишут: «В силу сложности и неоднозначности цивилизационных и социокультурных процессов, происходящих в России, следует признать безусловной заслугой современных исследователей создание такой историографической ситуации, когда наличие плюралистичности подходов, оценок, различных интерпретаций исторического прошлого и настоящего России является нормой, отвечающей потребностям времени» [23, 13]. А. В. Сперанский констатирует: «Анализ имеющихся интерпретаций однозначно показал, что марксизм полностью утратил роль системообразующего начала теоретического осмысления мировой истории

и в ее методологическом поле доминирующим фактором стал концептуальный плюрализм, полностью подавивший монистическое восприятие исторического процесса» [20, 88].

Некоторые авторы видят в многоконцептуальности больше негативного, чем положительного. По словам юриста А. С. Смыкалина, плюрализм мнений в методологии изучения истории права «лишает ее прочной основы и разработки и ставит вопрос о создании частных юридических методик изучения истории права» [17, 84].

По нашему мнению, споры в научном сообществе, тем более на междисциплинарном уровне, могут происходить только вокруг стоящих вещей, вызывающих неподдельный интерес. Нельзя согласиться со взглядом о признании «ситуации многоконцептуальности как временной, преходящей с точки зрения поиска некоей объединяющей макротеории, выявляющей основные тенденции и определяющей факторы исторического пути, пройденного Россией» [23, 24]. Истинная суть парадигмы многоконцептуальности не в этом, а (используя слова академика А. С. Лаппо-Данилевского) в «признании чужой одушевленности», то есть в признании того, что может быть иное мнение, отличное от твоего, и это мнение нужно воспринимать как данность, уважать его и, самое главное, попытаться понять (не путать с термином «принять»). Существование феномена многоконцептуальности в научных исследованиях и есть свидетельство нормального развития науки.

Таким образом, по нашему мнению, из трех основных парадигм, заявляющих свои претензии на возможность разрешения конфликта между реально сосуществующими в современной исторической науке многочисленными объясняющими исторический процесс теориями — объективистской, синтезирующей и многоконцептуальной (толерантной) — приоритет следует отдать последней.

1. *Алеврас Н. Н.* Историографические исследования в уральских научных центрах: актуальная проблематика и перспективы коммуникаций историографов в начале XXI века // Урал индустриальный: Бакунин. чтения : Материалы VIII Всерос. науч. конф., 27–28 апр. 2007 г., Екатеринбург : в 2 т. Екатеринбург, 2007. Т. 1.

2. *Алексеев В. В.* Модернизация и революция в России: синонимы или антиподы? // Урал. ист. вестн. Екатеринбург, 2000. № 5–6.

3. *Алексеев В. В.* На перепутье эпох: Воспоминания современника и размышления историка. Екатеринбург, 2013.

4. Введение // Многоконцептуальная история России / под ред. Б. В. Личмана. Екатеринбург, 2000. Кн. 1 : С древнейших времен до конца XIX в.

5. *Гуревич А. Я.* Исторический синтез и школа «Анналов». М., 1993.

6. Историография истории России / под ред. А. А. Чернобаева. 2-е изд. М., 2015.

7. *Камынин В. Д.* К вопросу о роли учебника в процессе модернизации преподавания истории // Многоконцептуальность в науке : Материалы международ. науч. конф., посвящен. 65-летию проф. Б. В. Личмана. Екатеринбург, 2011.

8. *Ковальченко И. Д.* Теоретико-методологические проблемы исторических исследований: Заметки и размышления о новых подходах // Новая и новейшая история. 1995. № 1.

9. *Кузьмин А.* Кого спасет новый «единорог»? // Курган и курганцы. 2011. 7 сент.

10. Курс лекций по истории России с древнейших времен до наших дней / под ред. Б. В. Личмана. Екатеринбург, 1992.

11. Личман Б. В. Толерантная история России: Многоконцептуальность. Екатеринбург, 2008.
12. Медушевская О. М., Румянцева М. Ф. Методология истории. М., 1997.
13. Поппер К. Нищета историцизма : пер. с англ. М., 1993.
14. Прядеин В. С. Историческая наука в условиях обновления: философские основы, принципы познания, методы исследования (историографический анализ). Екатеринбург, 1995.
15. Русская историография XI — начала XXI века / под ред. А. А. Чернобаева. М., 2010.
16. Смирнов А. И. О многоконцептуальности в математике // Многоконцептуальность в науке. Екатеринбург, 2011. С. 84.
17. Смыкалин А. С. Новые концептуальные подходы в изучении права в современной историко-правовой науке // Там же.
18. Сперанский А. В. Россия и исторический процесс: концептуально-методологические интерпретации // Россия между прошлым и будущим: исторический опыт национального развития. Екатеринбург, 2008.
19. Сперанский А. В. История России в контексте концептуального осмысления // Актуальные проблемы юридической и исторической науки. Екатеринбург, 2012.
20. Сперанский А. В. Многоконцептуальная история и марксизм: проблемы теоретического осмысления // Многоконцептуальность в науке.
21. Сперанский А. В. На войне как на войне...: Свердловская область в 1941–1945 гг. Екатеринбург, 2012.
22. Тертышный А. Т., Трофимов А. В. Российская история: модели измерения и объяснения. Екатеринбург, 2005.
23. Тертышный А. Т., Трофимов А. В. Россия: образы прошлого и смыслы настоящего. Екатеринбург, 2012.

Рукопись поступила в редакцию 23 декабря 2015 г.